

«А ОН, МЯТЕЖНЫЙ...»

Когда-то Ярослав Смеляков написал:

О, этот Лермонтов опальный,
сын нашей собственной земли,
чьи строки, как удар кинжальный,
под сердце самое вошли!
Он, этот Лермонтов могучий,
сосредоточась, добр и зол,
как бы светящаяся туча
по небу русскому прошел.

Поначалу кажется, что наш современник довольно точно уловил сущность лермонтовской поэзии. Действительно, смелый, сумрачный, язвительный взгляд Лермонтова таит в себе всепроникающий и целительный свет, и это производит впечатление светящейся живительной тучи над полем русской жизни. В судьбе поэта можно найти объяснение, почему первые же его стихи явились перед читателем не восторженно романтическими, не юношески солнечными, а тревожно грозowymi, несущими сумрачный небесный огонь. Мальчик рано, в неполных три года, лишился матери, а затем, собственно, и отца, у которого бабушка будущего поэта Елизавета Алексеевна отняла право видеться с сыном. Это душевное сиротство Мишеля, при его пробуждающемся могучем даре, обострило внутреннее зрение юного человека, обнажило перед ним трагизм существования на неприветливой земле. Даже если не брать во внимание стихи Лермонтова последних лет, то есть произведения уже оформившегося великого таланта, а взять лишь его первые самостоятельные строки — даже и они отмечены трагическим, провидческим знанием о земной жизни, о душе, о любви:

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастию назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.

1832

И все же образ «светящейся тучи», хотя и броский, запоминающийся, не вполне объясняет суть. Особость М. Лермонтова в том, что он впервые в русской поэзии (да и, в целом, в литературе) обнажил перед читателем глубины человеческой души с ее светлыми чувствами и темными страстями; он открыл ее противоречивый и трагический мир. Позже этой способностью обладал разве что Ф. Достоевский.

В чем гений Лермонтова проявился сразу, в поразительной новизне, так это именно в необыкновенной способности выразить в лирическом стихотворении противоречащие друг другу чувства или настроения, размышляет ли он о родине, о жизни или о счастье:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой...

.....

В себя ли заглянешь? —
там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ничтожно...

.....

И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови...

Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно...

Даже любовь (или влюбленность) несет в себе противоречивые внутренние начала:

И черные глаза, остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали...

Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно...

За всем этим стоит, конечно, духовная сложность человека, которой раньше касался не каждый поэт; для Лермонтова это естественная среда, в которой живет его муза.

МОЛИТВА

Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, боже, не тебе молюсь...

1829

* * *

Вспомним, сколько лет судьба отвела М. Лермонтову для творчества. Немногим более десяти. А если учесть, что наиболее значительные произведения в поэзии, прозе и драматургии созданы им после гибели А. Пушкина, то и еще меньше — четыре года. Никто из великих русских поэтов не развернулся во всем блеске своего таланта за столь короткое время. И никто из них, кроме Пушкина, не создал до двадцатисемилетнего возраста столько гениальных творений, обратившись к самым коренным, глубоким и таинственным вопросам человеческого бытия: что есть жизнь и смерть, добро и зло, красота и духовный глеч, служение отечеству и равнодушие к родине, возвышенная любовь и нравственная грязь, душевная чистота и пошлость? Заслуга М. Лермонтова в том, что он, возможно, единственный в русской лирике пред-

ставил столь полно и трезво, с беспощадной правдой портрет своего поколения, его духовную, нравственную физиономию и поселил на многие десятилетия тревогу в русское сердце: что же будет с нашей родиной, если мы и дальше станем чувствовать, думать, поступать, как сегодня?

Проницательный и страстный поэт, Лермонтов лучше других видел пороки современного человека, общества, устройства жизни и с беспощадной прямой говорил о них.

ДУМА

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит,
как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властью — презренные рабы.

Толпой утрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш,
с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

1838

Лермонтов имел право на такие суровые, откровенные слова. Еще совсем юношей, написав стихи на смерть Пушкина, он бросил вызов самым могущественным силам империи; затем попал в гущу Кавказской войны и с честью вынес кровавые испытания. Он рано стал национальным поэтом, познавшим противоречивый, загадочный характер своего народа; этот народ мог со спокойной и мужественной готовностью стоять до конца на Бородинском поле и мог переживать необъяснимые провалы в безволие и безысходность.

Но нас сейчас интересует новизна лермонтовского чувства, привнесенного в русскую поэзию. Да, новизна, потому что именно он утвердил в нашей лирике любовь к отечеству страдающему и не раз спасавшему мир, униженному и возрождавшемуся для новой всесветной славы — любовь к нему, как сокровеннейшее и, может быть, главнейшее чувство русской души.

У Лермонтова и признания-то, обращенные к отечеству, особые, не похожие на строки его предшественников; эти признания словно бы намеренно «снижены», «одомашнены», как беседа с родным по-

дем за околицей или крестьянскими хатами за окном. «Слава, купленная кровью» не шевелит в нем «отрадного мечтанья», будто не он вчера вдохновенно воспел эту славу в стихотворении «Бородино». Такой «шаг на попятную», конечно, нужен был пылкому Лермонтову для того, чтобы с особой душевной теплотой напомнить читателю о близких, материнских чертах своей дорогой родины. Сейчас особенно ясно видно, что он первым с такой огненной страстью, душевным напряжением,

общественным темпераментом сказал свое слово о боли и надежде русского человека — о России. Он первым сделал эту тяжкую думу главным содержанием собственного творчества.

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим неизвестной,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

1841

* * *

В критической литературе написано немало о мрачном характере лермонтовской лирики, о «демонизме» поэта. Но если это так, то почему его строки завоевали читательскую душу, поселили там любовь к его бессмертным песням?

Думаю, особенность М. Лермонтова еще и в том, что он, как никакой другой русский поэт, открыл бесценные сокровища своего сердца, во многом идеальные качества человека — сострадание к живому на земле, милосердие, порыв к духовному совершенству, тихую святость. Иные его стихи можно шептать, как сокровенную исповедь:

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;
Когда, росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;
Когда студень ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога...

1837

Этим «молитвословным языком» написаны многие-многие стихотворения Михаила Лермонтова. А ведь надо помнить: поэт приходил к этому языку в дни житейских бурь (что стоят две ссылки на Кавказ, под чеченские пули); он приходил к этому языку после черного отчаянья, горчайших открытий, поражения в любви, незаслуженных обид и клеветы. Но они не замутили его душу, не ожесточили ее и не заглушили чистого поэтического родника. Вот лермонтовская «Молитва» — недаром этот заголовок венчает несколько стихотворений поэта разных лет:

Я, мать божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.
Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.
Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную —
Ты воспринять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

1837

В воспоминаниях о М. Лермонтове его образ двоятся: одни пишут о желчном, несносном характере поэта, другие воскрешают светлые минуты братского общения с ним. «...был дурной человек: никогда ни про кого не отзовется хорошо; очернить имя какой-нибудь светской женщины, рассказать про нее небывалую историю, наговорить дерзостей — ему ничего не стоило», — утверждал А. Тиран, ограниченный, страстный сотоварищ Мишеля по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. «В юнкерской школе, — словно споря с ним, писал другой

однокашник поэта, А. Меринский, — Лермонтов был хорош со всеми товарищами, хотя некоторые из них не очень любили его за то, что он преследовал их своими остротами и насмешками за все ложное, натянутое и неестественное, чего никак не мог переносить». «Лермонтов был неуживчив, относился к другим пренебрежительно, любил ядовито острить и даже издеваться над товарищами и знакомыми, его не любили, его никто не понимал», — настаивал сослуживец поэта по лейб-гвардии Гродненскому гусарскому полку А. Арнольди.

Этот недалекий человек пытался судить даже о том, что было недоступно ему:

«Я не понимаю, что о Лермонтове так много говорят; в сущности, он был препустой малый, плохой офицер и поэт неважный». Зная о таких недоброжелателях, писатель А. Дружинин, встречавшийся с однополчанами поэта и жадно расспрашивавший их о Лермонтове, счел своим долгом сообщить: «Характер знаменитого нашего поэта хорошо известен, но немногие из русских читателей знают, что Лермонтов при всей своей раздражительности и резкости был истинно предан малому числу своих друзей, а в обращении с ними был полон женской деликатности и юношеской горячности. Оттого-то до сих пор в отдаленных краях России вы еще встретите людей, которые говорят о нем со слезами на глазах и хранят вещи, ему принадлежавшие, как более чем драгоценность».

Даже бесшабашную храбрость Лермонтова на Кавказе холодно-трусливые наблюдатели оценивали со своей колокольни. В 1840 году в Чечне Михаил Юрьевич получил в свое распоряжение отряд в сто казаков, которыми до него командовал легендарный смельчак и дуэлянт Р. Дорохов (он стал прототипом Долохова в романе Л. Толстого «Война и мир»). Офицер Генерального штаба Л. Россильон, служивший на Кавказе в те же годы, оставил для потомства такое мнение: «Лермонтов был неприятный, насмешливый человек и хотел казаться (выделено у автора — А.Р.) чем-то особенным. ...Собрал какую-то шайку грязных головорезов. Гарцевал Лермонтов на белом, как снег, коне, на котором, молодецки заломив белую холщовую шапку, бросался на чеченские завалы. Чистое молодечество!..» Л. Россильону не нравилось даже то, что поэт ел с казаками из одного котла и спал, как и они, на голой земле. Слава Богу, что и от Р. Дорохова осталось одно письмецо, несколько строк, как ответ штабисту: «...по силе моих ран я сдал моих удалых налетов Лермонтову. Славный малый — честная, прямая душа — не сносить ему головы. Мы с ним подружались и расстались со слезами на глазах. Какое-то черное предчувствие мне говорило, что он будет убит. Да что говорить — командовать летучею командой легко, но не малина. Жаль, очень жаль Лермонтова, он пылок и храбр — не сносить ему головы».

Понятно, что воспоминатели были людьми разными: одни — объективными и пронизательными, другие — пристрастными, близорукими, мелочными. Да и писали они с целями разными: кто оставить для потомков правду о поэте, а кто — свести поздним числом счеты с ним, очернить его. Поэтому в любом случае лучше, полезней в поисках истины обратиться

к стихам М. Лермонтова. Там — наиболее точный его портрет, там — правдивый дневник его души, там — неискаженное отражение его ума, темперамента, дум и помыслов:

Когда я унесу в чужбину
Под небо южной стороны
Мою жестокою кручину,
Мои обманчивые сны
И люди с злобой ядовитой
Осудят жизнь мою порой, —
Ты будешь ли моей защитой
Перед бесчувственной толпой?
О, будь!.. о! вспомни нашу младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися в том! чтоб вовсе радость
Не умерла в моей груди,
Чтоб я сказал в земле изгнания:
Есть сердце, лучших дней залог,
Где почтены мои страданья,
Где мир их очернить не мог.

1831

Стихи М. Лермонтова — это психологически захватывающая повесть о том, как в жестоком мире, среди не понимающих певца людей, в среде, чуждой творчеству, пылкая и чистая душа ищет тепла, участия, братского отклика. Возвращаясь в северную столицу с Кавказа, поэт тревожился:

Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?
Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?

1837

Постоянный мотив лермонтовской лирики — найти на земле родную душу, опереться на нее и стать ей опорой, поделиться с ней теплом и согреться ее участием. В этом порывистом, безжалостно-ироничном, склонном к постоянным проказам человеке жила бессмертная нежность. Такое бывает только с великим сердцем. Кажется, вот они — трезвые, осуждающие строки о своем всегдашнем окружении, из которого не дано вырваться:

Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски...

Можно ли в таком ежедневном соседстве быть способным на сентиментальность, детскую непосредственность, на непрощенные слезы, наконец? Оказывается, можно.

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке,
Сердце запрыгает;
Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,
И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.

1838

Это как проявление Божественной благодати: Всевышний вливает в земного человека благородство, самоотвержение, братскую любовь к другой душе, то есть чувства, которые и должны быть свойственны Его созданию, но осквернены или подорваны нашими грехами. И вот, наконец, в поэте они торжествуют, проявляются во всей своей красоте. Приведу строфы лишь из трех посвящений М. Лермонтова женщинам — адресаты разные, но сердце, исторгнувшее эти слова, согрето одними и теми же чувствами уважения, благодарности, нежной приязни:

Залогом вольности желанной,
Лучом надежды в море бед
Мне стал тогда ваш безмянный,
Но вечно памятный привет.

.....

Что ж делать? — речью безыскусной
Ваш ум занять мне не дано...
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

.....

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день
иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

Нет, что ни говорите, а только душа художника еще остается верна тому образу, что хотел видеть в человеке Творец; только она еще сопротивляется проискам зла, глетворному дыханию среды и времени.

О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец — не твой венец.
Изгнаньем из страны родной
Хвались повсюду как свободой;

Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло, и перед злом
Ты гордым не поник челом.

1830

* * *

Лермонтов продолжил после Пушкина миссию человеколюбия. Поэзия осталась храмом, войдя в который, человек очищается от нравственной грязи, дурных помыслов. Стих, «облитый горечью и злостью», предназначен только для демонов зла; для тех же, кто ожидает ангелов света, поэт находит самые нежные, ласкающие душу слова:

РЕБЕНКУ

О грезх юности томим воспоминаньем,
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если б знало ты, как я тебя люблю!
Как милы мне твои улыбки молодые,
И быстрые глаза, и кудри золотые,
И звонкий голосок! — Не правда ль, говорят,
Ты на нее похож? — Увы! года летят;
Страдания ее до срока изменили,
Но верные мечты тот образ сохранили
В груди моей; тот взор, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?..

1840

Поэт умел быть благодарным за малую искру любви; он умел оценить нравственный подвиг любой души. То, что эта благодарность и эта добрая оценка чужого бескорыстия постоянны в его стихах, не ускользает от внимательного читателя. Мы любим Лермонтова за свет, который развеивает и тоску, и неудовлетворенность, и злость — то, что недобросовестные толкователи выставляли в его творчестве на первый план.

Слепец, страданьем вдохновенный,
Вам строки чудные писал,
И прежних лет восторг священный,
Воспоминаньем оживленный,
Он перед вами изливал.

.....

Я верю, годы не убили,
Изгладить даже не могли
Все, что вы прежде возбудили
В его возвышенной груди.
Но да сойдет благословенье
На вашу жизнь за то, что вы
Хоть на единое мгновенье
Умели снять венец мученья
С его преклонной головы.

1838

В русской поэзии еще до Лермонтова утвердилось мнение об избранности певца. После Пушкина об этом трудно было сказать что-то новое, свежее. Однако Лермонтов осмелился продолжить этот разговор, как еще один мудрый собеседник, многое дополняя и уточняя, многое освещая по-новому. А. Пушкин писал:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды...

Для М. Лермонтова поэт — тоже «свободы сеятель пустынный». Но долг его возрос, а права расширились. В дни народных бед, народных страданий пушкинский наследник требует от поэта первым откликаться на «голос мщенья», первым принимать на себя удар. И он знает: чернь всегда будет третировать и ненавидеть певца, не соглашаясь с тем, «что бог гласит его устами».

С тех пор, как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено камня.

Можно только удивляться, что уже в юные годы М. Лермонтов осознавал особую миссию поэта, его подотчетность только Творцу. Чтобы утверждать это тогда, нужна была смелость и независимость от людского суда: свет смотрел на художника, как на лицо несамостоятельное, находящееся на содержании сильных мира сего. Следовало отстаивать его свободу — и Лермонтов был одним из первых поэтов, которые заложили этот фундамент для отечественной лирики. Полтора столетия звучит полное достоинства его предостережение бездушной и властной черни — этим охранительным доводом великого

предшественника всегда может воспользоваться любой подлинный поэт:

Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пускай шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит;
Его чело меж облаков,
Он двух стихий жилец утрюмый,
И, кроме бури да громов,
Он никому не верит думы...

У поэтического слова есть тайное очарование, и М. Лермонтов первым дал читателям возможность почувствовать это. Почему тайное очарование? Потому что это очарование необъяснимо, потому что оно не только присутствует в слове, но и разлито вокруг него и за ним, в дальней дали. Эту тайну русской поэзии позже пытались объяснить символисты. Д. Мережковский, прозаик, поэт, критик, приведя строку Ф. Тютчева «Мысль изреченная есть ложь», заметил: «В поэзии то, что не сказано и мерцает сквозь красоту символа, действует сильнее на сердце, чем то, что выражено словами». Эту мысль развил другой поэт и теоретик символизма Вяч. Иванов: «...если ...я, поэт, не умею заставить самую душу слушателя петь со мною другим, нежели я, голосом, не унисоном ее психологической поверхности, но контрапунктом ее сокровенной глубины, — петь о том, что глубже показанных мною глубин и выше разоблаченных мною высот, если мой слушатель — только зеркало, только отзвук, только приемлющий, только вмещающий, — если луч моего слова не обручит моего молчания с его молчанием радугой тайного завета, тогда я не символический поэт».

Опустим слово «символический» как понятие условное. То, о чем говорят оба автора, — это верные и глубокие замечания, относящиеся к коренному свойству русской классической поэзии: многозначному смыслу ее великих произведений. И, может быть, именно М. Лермонтов первым смог решить эту невероятной сложности задачу: его стихи таят глубины, которые глубже видимых поначалу, и очерчивают высоты, которые выше отмеченных первым взглядом:

АНГЕЛ

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Еще в юности М. Лермонтов написал одно особенное стихотворение. В нем поэт провидчески предугадал свою короткую жизнь, определил особенность своего творческого дара и судьбы, заявил, что он способен выполнить миссию, возложенную на него Богом. Это стихотворение знает, конечно, каждый школьник:

Нет, я не Байрон, я другой,
 Еще неведомый избранник,
 Как он, гонимый миром странник,
 Но только с русскою душой.
 Я раньше начал, кончу ране,
 Мой ум немного совершит;
 В душе моей, как в океане,
 Надежд разбитых груз лежит.
 Кто может, океан угрюмый,
 Твои изведать тайны? Кто
 Толпе мои расскажет думы?
 Я — или бог — или никто!

1832

Пожалуй, это ключ к недолгой жизни и к бесмертному творческому наследию Михаила Юрьевича Лермонтова. Он во всей полноте открыл свою душу, и его исповедь оказалась столь бесценной, поучительной, близкой нам, что мы помним в ней каждый звук «Прочувствовать великого поэта, — словно бы и от нашего имени написал в свое время В.Белинский, — это значит пережить целую жизнь, принять в себя целый, отдельный и самобытный мир мысли, следовательно, дать своему нравственному существованию особенную настроенность, отлить дух свой в особую форму». Так оно и есть. Все, что успела высказать великая душа поэта, осталось с каждым из нас как самое сокровенное, самое нужное и ценное для собственной жизни.

Андрей Григорьевич Румянцев родился в рыбацком селе Шерашово на Байкале. Окончил Иркутский университет. Автор многих поэтических и прозаических книг, сборников литературоведческих эссе. В московском издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» вышла его книга о драматурге Александре Вампилове и готовится к выпуску еще одна — о прозаике Валентине Распутине. Член Союза писателей России, входит в его Высший творческий совет. Заслуженный работник культуры России. Действительный член Петровской академии наук и искусств (г.Санкт-Петербург). Лауреат нескольких литературных премий. Живет в Москве.